

ле рассказывал то верно и точно. Все его занятия были серьезны; он не любил ни театра (*mimica*), ни игры в кости, но зато охотно предавался соколиной и ястребиной охоте. В труде он обнаруживал постоянство и хотя был плотен и весьма толст, но обращал мало внимания на жар и стужу. Десятину платил церкви вполне и без задержания; в этом отношении он был совершенно евангельский человек. Обедню слушал ежедневно с благоговением, если болезнь или какое-нибудь другое препятствие не удерживало его от того. Ругательства и пощания, высказываемые против него явно или тайно, он переносил с большим терпением, даже и в том случае, если они были произнесены людьми ничтожными: он умел при этом делать вид, как будто не слышал того, что ему пришлось услышать. В еде и питье был умерен и презирал невоздержанность в обоих случаях. К своим пастырям питал такое доверие, что во все время их управления не требовал отчета и не выслушивал жалоб на их неверность, что одни вменяли ему в порок, а другие хвалили, как доказательство чистого доверия. Но все эти дарования и преимущества затемнялись в

нем одним недостатком: он был чрезвычайно молчалив и не довольно учтив в обращении. Дар приветливого разговора, которым государь, главным образом, выигрывает сердца своих подданных, был ему совершенно чужд. Редко с кем заговаривал он сам, если к тому не был вынужден или если кто не обращался к нему, и этот недостаток был в нем тем более заметен, что брат его владел в высшей степени даром приветливой речи и располагающей разговорчивости. Также, говорят, он был слишком чувствен, что да просит ему милосердный Бог, и парушал брачное право других. Сверх того, он сильно угнетал свободу церкви и истощил ее имущество большими и насильственными поборами, так что она в его управление опустела, и вынуждал ее обременять себя сверх сил долгами. Он был более сребролюбив, нежели то прилично королевскому достоинству, и допускал совращать себя подарками со строгого пути правды. Впрочем, он старался извинить свою корысть и часто говаривал мне в дружеской беседе, что каждый князь и в особенности король должен оберегаться не растратить своих денег, и именно по двум причинам:

Вильгельм Тирский разошелся со своим архиепископом и в 1169 г. ездил в Рим с жалобой на него (XX, 18). После возвращения его из Рима Амальрик, уважавший Вильгельма как отличного ученого (XIX, 3), поручил ему воспитание (в 1170 г.) своего 9-летнего сына Балдуина (XXI, 1), который после вступления на престол в 1173 г. сделал его своим канцлером (XXI, 5), а в 1174 г. народ и духовенство избрали его архиепископом города Тира. В 1177 г. Вильгельм ездил в Италию по делам своей церкви и присутствовал на Латеранском соборе (XXI, 26). На обратном пути он заехал в Константинополь, где государственные дела удержали его на 7 месяцев, так что он возвратился на родину только в 1179 г. (XXII, 4). Этим ограничивается все, что мы можем знать о жизни одного из замечательнейших средневековых писателей; но и этого достаточно, чтобы судить о степени авторитета писателя, который не только вырос и жил в стране, история которой излагается им, но и занимал высшие государственные должности, ставившие его в близкое соприкосновение к людям и событиям. Дальнейшая его судьба нам мало известна и сохранившиеся известия полны противоречий. Один из позднейших его продолжателей рассказывает, что он, вследствие ссоры с иерусалимским патриархом Ираклием, ходил в Рим судиться и был там отравлен подосланным медиком со стороны того патриарха; но если это справедливо, то смерть Вильгельма не могла быть позже 1184 г.; между тем после взятия Иерусалима Саладином он был в 1188 г. на съезде Филиппа Августа и Ричарда Львиное Сердце близ Жизора и проповедовал им Крестовый поход. Достоверно одно, что в 1193 г. на одной хартии подписался другой архиепископом Тирским, и, следовательно, Вильгельм Тирский мог умереть в начале 90-х гг. XII столетия.